

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РИСКОЛОГИИ

Аннотация. В статье анализируются особенности положения детей и подростков в современном обществе, включающем риск как одну из социальных, экономических, политических и социокультурных характеристик. Раскрыта сущность таких понятий, как «риск», «общество риска», систематизированы основные теоретические подходы к определению их дефиниций, проанализирована эволюция этих понятий, показана их внутренняя взаимосвязь и взаимообусловленность.

Представлен нетрадиционный взгляд на модернизацию российской системы среднего образования, которая в течение почти 20 лет живет в условиях перманентного реформирования, а такая социальная группа, как школьники, подвергается её двойному риску – и как часть общества, и как часть системы образования. Однако рисками в среде школьной молодежи можно управлять, и одним из субъектов управления должны выступать сами дети и подростки, прежде всего те из них, кого традиционно относят к особой группе риска.

Ключевые слова: риск, общество риска, рискология, проблемное поле современной рискологии.

© L. Antonova

SPHERE OF PROBLEMS OF MODERN RISKOLGY

Abstract. Specific characters of the social state of children and adults in the modern society, including risk as one of social, economic, political, sociocultural description, are analyzed in the issue. The essence of the definitions “risk” and “society of risk” is shown, the main theoretical approaches to define them are systematized, their evolution is analyzed, their interrelation and interconditionality are shown. The author’s standpoint at modernization of Russian school, which is under reforms for twenty years and that social group as schoolchildren exposes to double risk – as a part of society and as a constituent of educational system, is being proposed. Article also states, that youth’s risks can be controlled, and one of the subjects of management must be children and adults.

Key words: risk, society of risk, riskology, sphere of problems of modern riskology.

Рассматривая положение детей и подростков в современном обществе, которое включает в себя риск как одну из фундаментальных экономических, социальных, политических и социокультурных характеристик, следует определить, что понимается под «риском» и какой смысл вкладывается в понятие «общество риска». В современной рискологии накоплен известный опыт исследования проблем риска. Поэтому, прежде всего, следует систематизировать основные теоретические подходы к определению исходных дефиниций, обращаясь не только к социологическим, но и к экономическим, культурологическим, статистическим признакам изучаемого явления. Это позволит более полно проанализировать эволюцию используемых в контексте исследования понятий, продемонстрировать их внутреннюю взаимосвязь и взаимообусловленность.

В научной литературе теоретические и концептуальные подходы к проблеме риска рассматриваются в более широком социальном контексте современности, что важно

для раскрытия объективной сущности риска, для всестороннего анализа всего комплекса факторов, определяющих его разновидности. Вместе с тем концептуализация исходного понятия носит сугубо прикладной характер и подчинена основной идее – рассмотрению особенностей положения детей и подростков в современном обществе, прежде всего в российском, характеризующемся по многим признакам как «становящееся общество риска», т. е. такое общество, где риск еще не стал повседневной, привычной реальностью, не рационализирован, не входит в устойчивый набор признаков «образа жизни» и оттого особенно разрушителен и опасен. С другой стороны, дети, подростки и молодежь России оказались той социальной стратой, что более всего подверглась испытанием «свободой», которая в контексте происшедшей трансформации в 1990-е годы может быть охарактеризована как неопределенность, охватившая все сферы общественного бытия: духовную, политическую, социальную, экономическую. Российское подрастающее поколение в лице своих адаптированных, индивидуалистически и модернизационно ориентированных представителей больше всех выиграло от изменений, но в лице традиционно ориентированных представителей больше всех потеряло именно свою всестороннюю (духовную, политическую, социальную, экономическую) идентификацию с традиционным российским социумом.

В свое время английский социолог Энтони Гидденс и немецкий социальный философ Ульрих Бек разработали постмодернистский подход в социологии риска, и в подходах к риску выявили немало перспективных моментов, среди которых следует выделить следующий: риск необходимо рассматривать не просто как вопрос персональной судьбы, но как явление, имманентно присущее самой современности, вследствие чего и возникает термин «общество риска». Отсюда, современность четко обозначила так называемую *индивидуализацию ответственности за риск*, при которой индивидам не приходится ждать помощи от государства, а следует рассчитывать на собственные силы и принимать ответственность за преодоление риска на самих себя.

Как известно, российская система среднего образования уже в течение почти 20 лет живет в условиях перманентного реформирования, а такая социальная группа, как школьники, подвергается двойному воздействию модернизации – и как часть общества, и как часть системы образования. В связи с этим рассмотрим некий нетрадиционный взгляд на модернизацию, выявление ее связи с риском.

В книге «Последствия модернизма» (“The Consequences of Modernity”), Э. Гидденс, анализируя различные социологические концепции перехода от традиционного общества к современному, останавливается на идее рефлексивной организации и реорганизации социальных отношений. Под рефлексивностью, в частности, следует понимать особое качество социального действия, отражающее способность субъекта осознавать и поддерживать постоянное «теоретическое понимание» оснований своей деятельности.

Опасность и риск, неизбежно возникающие в современном обществе, сводятся к минимуму посредством рефлексивной организации, ключом к успешному функционированию которой, по мысли Э. Гидденса, является *доверие*. При этом понятие «доверие» необходимо отделять от понятий «защищенность», «опасность» и «риск», хотя они и взаимосвязаны.

Под «**доверием**» понимается стремление минимизировать опасность в пределах так называемого допустимого или приемлемого риска. Э. Гидденс в этой связи выделяет два вида доверия: **доверие системе** и **доверие индивидам**, причем индивиды и группы нуждаются в основаниях для доверия системе – доверия в отношении получения прибыли и доверия в отношении способности экспертных и правительственных органов снизить потенциальные риски. Этот неустойчивый, но крайне важный баланс Гидденс называет *онтологической безопасностью*. В этом определении олицетворяется уверенность людей

в преемственности их самоидентификации и в постоянстве окружающего социального и материального мира, в котором они действуют.

В свою очередь, отмечая, что человечество систематически сталкивается с различными видами рисков, такими, как бедность, болезни, угроза дисквалификации, экологические и ядерные риски, У. Бек подчеркивает, что мы не всегда можем просчитать их последствия. Панацеей от рисков, по мнению немецкого социального философа, должна стать «рефлексирующая модернизация», источником которой могут послужить наука, интеллигенция, способные повысить уровень доверия в обществе.

Далее Э. Гидденс выделяет четыре возможных типа реакций на эту ситуацию постоянно воспроизводимого современной модернизацией риска.

1. *Прагматическое принятие*, выраженное в повседневном выживании при пессимистическом или оптимистическом, а иногда и смешанном, восприятии действительности.

2. *Устойчивый оптимизм*, характерный для тех, кто верит в Провидение, способное вывести из любой ситуации, невзирая ни на какие опасности.

3. *Циничный пессимизм*, распространенный среди тех, кто с ностальгией вспоминает о прошлом, а будущее видит в негативном свете.

4. *Радикальная вовлеченность* (активность) отличает тех, кто не привык безучастно наблюдать, а готов протестовать, мобилизуя себя и других с целью снижения, предотвращения или преодоления рисков. Такие социальные группы становятся социальной базой общественных движений, в том числе и в среде молодежи.

Итогом является индивидуализация жизненного процесса в том смысле, что каждый человек конструирует свою жизнь как может, с индивидуально обусловленными траекториями в труде, образовании, заработке, потреблении и других аспектах. Поэтому «новое поколение», входящее в жизнь, при отсутствии целенаправленной социально-педагогической поддержки, «дрейфует» по направлению к маргинальным слоям, пополняя группу риска.

Индивидуализация в обществе риска представляет собой триединый процесс, который характеризуется:

- либерацией, или освобождением от традиционных ограничений, накладываемых классовыми, семейными рамками и т. д.;

- разочарованием, наступающим в результате потери традиционного общества;

- реинтеграцией, основывающейся на новых типах обязательств.

В процессе индивидуализации задействованными оказываются как объективные (жизненные ситуации), так и субъективные (сознание, идентичность, персонализация) аспекты. При этом индивидуализация не лишена противоречий, заключенных в усилении риска. С разрушением традиционных классовых и семейных связей образ жизни институционализируется иначе: класс заменяется системой образования, а семья – государством и рынком труда.

Данные социокультурные факторы риска заметно влияют на характер социальных отношений, в особенности в молодежной среде. У одних людей проявляется заинтересованность в поддержании внутренних связей в условиях риска и склонность обвинять оказавшихся в ситуации риска людей за их собственные неудачные действия. Другие верят в перспективность индивидуальных действий и в соревновательность, в силу чего эти люди оказываются постоянным источником конфликта, а не солидарности. В данном случае риск рассматривается больше как вопрос судьбы или шанса, а не как наказание за неумелые действия.

Как можно увидеть, первая группа демонстрирует высокий групповой этос и сплоченность, в то время как представители второй отличаются слабыми внутригрупповыми связями и высокой степенью индивидуализма.

Происходящие в современном российском обществе социокультурные сдвиги имеют двойственный характер. Во-первых, в самом взрослом мире становится все больше и

больше молодежных «культурных меток», от моды до нарочито рискованного поведения. И, во-вторых, типично «молодежные» риски распространяются во «взрослую среду». На стыке взаимопроникновения этих двух миров (отцов и детей) возникает особый тип синергичного механизма, который воплощается в ситуациях неопределенности, специфических формах поведения и мышления, обыкновено обозначаемых как рискованное поведение и эвристическое инструментальное мышление. Риск в данной концепции рассматривается как способ измерения и расчета действий, основанных на ожиданиях, доверии, страхах, мнениях, настроениях. Причем измеряются и рассчитываются именно интенциональные (направленные) переживания – степень доверия, страха и т. д.

Если провести типологию о проявлении социокультурных составляющих в индивидуальных или групповых реакциях на условия риска, то можно составить основу концепции управления рисками в среде социальных групп, предрасположенных к неопределенности, и, в особенности, становящихся, развивающихся возрастных когорт, среди которых наиболее остро переживает состояние нарастающей неопределенности именно учащаяся молодежь.

Так, по типологии реакций на риск в школьной среде (в подходах Вилдавского и Дрэйка), выделяют следующие типы личности:

- иерархисты (в школьной среде встречаются редко, чаще в начальной и старшей школе; как правило, это успевающие и хорошо адаптированные ученики) – им свойственно уважительное отношение к авторитетам и официальным организациям, конформизм в отношении норм и ожиданий, касающихся риска;

- эгалитаристы (как правило, подростки 13 – 15 лет, образующие всякого рода «группы свободного общения») – их отличает высокая степень групповой идентификации и непримиримое отношение к аутсайдерам, оказавшимся в ситуации риска, а также скептическое отношение к распространенным нормам и твердая вера в эффективность деятельности по отношению к «полю риска»;

- индивидуалисты (лидеры школьных подростковых групп, часто входят в неформальные молодежные структуры за пределами школы; учащиеся, успешные в социальном плане за счет стартовых возможностей) – для них характерен низкий уровень идентификации с группой, склонность к саморегулированию риска, сопровождаемая отрицанием внешних ограничений и осознанием риска как балансирования между опасностью и удачей с надеждой на последнюю;

- фаталисты (основная масса дезадаптированных детей и подростков) – представители данной группы детей, как правило, отдаются в руки судьбы, связывая с ней появление рисков, и не видят реальной возможности контролировать риск.

В рассматриваемом аспекте рисков, связанных с определенной социологической группой (дети и подростки с девиациями различных этиологий), а также с определенной социально-педагогической проблемой (социально-педагогическое управление и минимизация рисков, воздействующих как на самих детей и подростков, так и исходящих от них в отношении других сторон социальной реальности), исследование данного феномена призвано быть междисциплинарным и рефлексировать положения трех частных рискологий: рискологии школьного детства и подростничества, рискологии общего среднего образования и рискологии транзитуции [1, 31-41].

Подводя итог проделанного анализа существующих подходов к определению риска, можно сделать вывод, что общими для большинства из них являются следующие условия: наличие неопределенности; необходимость выбора альтернативы; возможность оценить вероятность осуществления выбираемых альтернатив, нравственная самооценка результата.

Таким образом, наиболее универсальным, с учетом вышесказанного риск в среде школьной молодежи можно определить как деятельность, связанную с преодолением не-

определенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели.

Однако следует признать, что данное определение не лишено некоторых противоречий. Так, в нем в качестве условия преодоления неопределенности подчеркивается возможность оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от поставленной цели. Если под вероятностью понимать меру объективной возможности, степень возможной реализации данного события при данных условиях, т. е. не просто меру нашего ожидания, а объективную меру возможности реализации случайного, то в определении риска среди школьников следовало бы делать упор не на возможности оценить вероятность, а на вероятности как обоснованной возможности выбора.

Но такой возможности в условиях неопределенности быть не может. Она может появиться в условиях перехода от состояния неопределенности к определенности или, наоборот, от состояния определенности к неопределенности. Именно в переходном состоянии появляются выбор и возможность его обоснования. Система общего образования в качестве одной из важнейших социальных подсистем действует сначала от неопределенности стихийной ранней социализации к определенности целенаправленной социокультурной социализации, а затем от определенности последней к новой неопределенности самостоятельной жизни. И этот двойной переход, в свою очередь, усугубляется в современных российских условиях дважды: реформированием и модернизацией и российско-го социума в целом, и самой системы образования, в частности.

Социально-экономический кризис ухудшил положение наиболее уязвимых групп населения, к которым относится молодежь, и поставил ее в конфликтные противоречия с обществом. Это создало для молодежи ситуацию другого типа риска, связанного с **неопределенностью жизненного пути**, что также не может не влиять на характер социального воспроизводства.

Вместе с тем, руководствуясь собственными интересами в образовании, профессиональной деятельности, материальном положении молодой человек критически оценивает окружающую его социальную реальность с точки зрения возможностей самореализации при достижении желаемого статуса, выражает согласие с одними нормами, протестует против других. Все, что противоречит его представлениям о должном, вызывает не только протест, но и стремление к преобразованию, часто принимающее у подростков извращенную форму бессмысленного разрушения.

К сожалению, ни у общества в целом, ни у отдельных его институтов, ни даже у родителей в настоящее время нет однозначного нормативно-нравственного представления о должном поведении нынешних молодых людей. Все это затрудняет возможность в полной мере противостоять риску воспроизводства без-нормности (а-морфности), распространению деструктивных отношений, криминализации молодежных структур и интеграции в них все большего числа молодых россиян, среди которых наибольшему риску данной этиологии подвержены как раз дети и подростки школьного возраста [1, 66-72].

В заключение отметим, что рисками в среде школьной молодежи, тем не менее, можно и должно управлять, и одним из субъектов управления могут (должны) выступать сами дети и подростки, прежде всего те из них, кого традиционно относят к особой группе риска.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. – М., 2001.